

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

Неизвестная заметка Н. Г. Устрялова о «Слове о полку Игореве»

В феврале 1833 г. в Москве вышла из печати книга: «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом». ¹ Книга содержала en regard текст «Слова» по изданию 1800 г. и опыт поэтического перевода «Слова» в прозе. К этому времени уже вполне определился своеобразный облик даровитого писателя: он и историк, и археолог, и поэт. Уже в 1828 г. вышло его «Начертание древней истории Бессарабии», выполненное по заданию военного ведомства.

Интересы А. Ф. Вельтмана (1800—1870) были направлены преимущественно на древнейший период русской истории. В своей брошюре «О господине Новгороде великом» Вельтман писал: «Вы знаете, что более всего занимает меня древность русская». ²

Значение перевода А. Ф. Вельтмана, явившегося пятым прозаическим переводом «Слова» на русский язык и первым опытом поэтического перевода в прозе, заключалось в выработке нового типа перевода, в несомненной талантливости передачи ряда мест оригинала. На интересовавший науку того времени вопрос, «на каком языке писано „Слово о полку Игореве“: на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священного писания, или на каком-нибудь областном наречии?», ³ Вельтман давал отчетливый ответ в самом названии своей книги. Менее отчетливо говорил Вельтман в предисловии к своему труду: «На языке, собственно певцу Игоря принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта; на выборе слов звучных, кратких, свойственных той гармонии, которою была исполнена его душа». Далее Вельтман сближал язык «Слова» с современным переводчику русским языком XIX в.: «Сравните „Слово о полку Игореве“ с звуками настоящего русского языка; ваш слух заметит близкое родство между ними». ⁴ В языке «Слова» Вельтман не усматривал того «ложного славянизма», который характерен, по его мнению, для позднейшего русского литературного языка вплоть до XIX в. Предшествующими переводами «Слова» Вельтман неудовлетворен, считая их непонятными: «Читая подлинник „Слова о полку Игореве“, я понимал его или мне казалось, что я понимал;

¹ Эпиграф к книге: «Кто ты, певец Игоря? ...». Книга печаталась в типографии С. И. Селивановского.

² А. В. О господине Новгороде великом. М., 1834, стр. 5.

³ Вопрос, сформулированный К. Ф. Калайдовичем 4 мая 1812 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете (см.: Труды Общества, ч. IV. М., 1812).

⁴ Песнь ополчению Игоря... стр. IV.

ибо красоты его трогали душу мою. Читая переводы „Слова о полку Игореве“, я не понял их и не мог перенести какого-то чувства, похожего на обиду».⁵

В 1830 г., во II томе «Истории русского народа», Н. А. Полевой призвал к обсуждению тех сомнений в подлинности «Слова», которые М. Т. Каченовским и другими высказывались в устной форме.⁶ Книга Вельтмана была одним из ярких выступлений в защиту подлинности слова. Возникновение такого поэтического произведения на Руси XII в. Вельтман объяснял древностью и высоким уровнем русской культуры: «С 9 века Новгород знал уже Европу, а Европа знала Новгород».⁷ В отличие от Н. А. Полевого, относившего написание «Слова» к началу XIII в., Вельтман датирует памятник концом XII в. и пишет о его авторе так: «Что песнь Игорю писал современник его, это слишком убедительно. Несовременный певец не обратил бы внимания на ничтожный, по понятиям истории, поход Игоря на половцев. Этот восторг к подвигам его мог принадлежать только тому, кто знал Игоря лично, а не по преданиям, кто любил его».⁸

Одобрив перевод, Н. А. Полевой аргументацию Вельтмана признал недостаточно полной и доказательной: «Нам, и не нам, ибо мы готовы даже согласиться, а скептикам нашим надобны доказательства более положительные: акты, пыль летописей, сухость изысканий. Без харатейного, запачканного сборника они не поверят даже ни одному великому делу и слову предков. И они правы, хотя и доводят это до излишества!».⁹

Книга А. Ф. Вельтмана стала предметом изучения А. С. Пушкина, вызвала его замечания и ускорила принятие им решения о выполнении собственного перевода «Слова».¹⁰

А. Ф. Вельтман преподнес экземпляры своей книги министру народного просвещения князю К. А. Ливену и просил поднести его труд также императору Николаю I и членам его семьи.

Проживая в Москве, Вельтман еще не знал, что уже 18 марта 1833 г. К. А. Ливен был освобожден от обязанностей министра народного просвещения, а 21 марта на этот пост был назначен С. С. Уваров. Дальнейший ход этого дела был таков. По приказанию Уварова правитель его канцелярии П. М. Новосильский 30 марта 1833 г. обратился к попечителю Петербургского учебного округа К. М. Бороздину с письмом, в котором предлагалось рассмотрение достоинств перевода Вельтмана поручить лектору С.-Петербургского университета Н. Г. Устрялову.¹¹

Подробный отзыв Н. Г. Устрялова о труде А. Ф. Вельтмана был препровожден на имя П. М. Новосильского при письме К. М. Бороздина от 6 апреля 1833 г. Приводим текст этой неизвестной заметки академика Н. Г. Устрялова.

Замечания на книгу «Песнь ополчению Игоря Святославича», изданную Г. Вельтманом

В наше время ознакомить публику вполне с поэтическими красотами Слова о полку Игореве можно двумя способами: или верным переводом,

⁵ Там же.

⁶ Н. Полевой. История русского народа, т. II. М., 1830, стр. 161.

⁷ Песнь ополчению Игоря... стр. V.

⁸ Там же.

⁹ Московский телеграф, 1833, ч. 50, № 7, апрель, стр. 437.

¹⁰ Пушкин и его современники, в. IX—X. СПб., 1910, стр. 19—22.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 440, л. 40.

или счастливым подражанием. В первом случае издатель обязан: прежде всего восстановить текст, очистить его от ошибок, пояснить, что именно хотел сказать певец Игоря, и потом уже переложить оный в изящную прозу. Во втором случае необходимо не только основательное знакомство с подлинником, с духом века и народа, т. е. полное, живое познание древней отечественной истории, но еще требуется самобытный дар поэтический. Г[-н] Вельтман хотел быть только переводчиком (VI) вследствие мысли, что изданные доселе переводы (графа Мусина-Пушкина, А. С. Шишкова, Пожарского, Граматина) весьма неудовлетворительны. «Читая подлинник Слова о полку Игореве, — говорит он, — я понимал его, или мне казалось, что я понимал: ибо красоты его трогали душу мою. Читая переводы, я не понял их и не мог перенести какого-то чувства, похожего на обиду». Желание отомстить за честь певца Игореве побудило его напечатать свой перевод с самым текстом и немногими замечаниями филологическими.

А. Текст напечатан г[-ном] Вельтманом согласно с первым изданием оною, буква в букву. Конечно при недостатке других списков нельзя требовать значительных поправок; однако ж к чему повторять одни и те же ошибки явные? Что мешает заменить их лучшим, правильнейшим чтением?

Другое дело при издании рукописи древней в первый раз: тогда издатель, если не желает исправлять ошибок посредством вариантов, должен их оставить неприкосновенными, чтобы впоследствии напечатанный им текст мог служить оригиналом; но подлинник «Слова о полку Игоревом» печатается в пятый раз: не время ли исправить его так, как европейские ученые выправляли Горация, Вергилия? Пригом же хотя г[-н] Вельтман строго держался первого издания, однако ж попадают в его книге явные с оным противоречия, кои при всем том не объяснены. Например:

В издании Вельтмана		В первом издании	
стояже Каалы	(стр. 14)	сь тоя же Каалы	(16)
Морова	(стр. 20)	Морава	(22)
Не сошли	(стр. 22)	Не сошло	(24)
Опутоша	(стр. 22)	Опустоша	(24)
Попрузиста	(стр. 22)	Погрузиста	(25)
Времени	(стр. 28)	Бремены	

Некоторые из сих слов имеют более смысла, чем в первом издании (впрочем одно только выражение «опутоша»); но решившись однажды на поправку, следовало держаться сего правила постоянно и притом непременно означать слова оригинала.

Б. В переводе Г[-на] Вельтмана два главные недостатка: I) не выражен гений языка; и II) неправильно переданы как многие отдельные слова, так и целые фразы.

I. Первый недостаток зависит от того, что переводчик не попал на тон певца Игореве. Автор весьма разнообразен в формах выражения, которые у него всегда согласуются с порядком мыслей и живостию чувствований. От сего каждая фраза его имеет свою конструкцию и притом все слова его тесно сцеплены одни с другими, предыдущие с последующими. Не без причины начинает он одну фразу глаголом, другую наречием, иную именем прилагательным: этого требовала нить мыслей и чувствований; этого требует гений русского языка, который в сем отношении имеет драгоценное преимущество пред всеми новейшими языками. Переводчик, разорвав связь между идеями и словами, с одной стороны, затемнил основную мысль, с дру-

гой же стороны, сгладив многие истинно Русские обороты, не мог передать нежных оттенков мыслей. В подлиннике все дышит жизнью, поэзией; везде связь естественная, неразрывная; каждая мысль легко переливается в другую; нет ни лишних частиц, кои всегда обременяют наш язык стройный, величественный, ни растянутых оборотов, именно потому, что каждое слово на своем месте. В переводе конструкция единообразная, вялая, прозаическая. Примером может служить почти каждая строка. Одним словом, переводчик не исполнил своего долга главного: не передал тона; при лучшем успехе он мог бы оказать важную услугу: обогатить наш язык новыми, истинно Русскими оборотами. И мы вправе сего требовать: из всех памятников нашей древней словесности «Слово о полку Игореве» доставляет в сем случае обильнейшую жатву.

II. Не выразив тона и души оригинала, г[-н] Вельтман часто погрешает в подробностях, вопреки первым условиям перевода. Именно:

1) одну и ту же фразу при одинаковых обстоятельствах он передает совершенно разными словами. Например, слово: П л ѡ н ѣ И г о р е в ѣ в одном месте переведено: ополчение Игоря (стр. 3), в другом — подвиги Игоря (стр. 3), в третьем — р а т ь (стр. 17), в четвертом — ополчения (стр. 19).

2) Не соблюдена сила многих слов или не выражены оттенки их: «з а р ѣ з а Р е д е д ю п р е д ѣ п л кы К а с о ж с к и м и» переведено: «Редедю с р а з и л п р е д в о й с к а м и К а с о ж с к и м и» (стр. 5). «Трудныя повѣсти» перев[едено:] «высокие сказания» (1). «Игорь къ Дону вои ведеть» в перев[оде:] «Вот Игорь с дружиной близится к Дону» (8). «Лисици брешутъ на чръленья щиты» перев[едено:] «И воют лисицы, завидев цвет чермный щитов» (9). В последней фразе не соблюдена даже гармония слога

3) Делая перифразы там, где не нужно, слова устаревшие не переводит. «Възрѣ на свѣтлое солнце» (просто: взглянул) переведено: «вскинул взоры (1) на светлое солнце».

4) Многие растянуто. Поэтическое выражение «Спало Князю умъ похоти... искуситъ Дону великаго» переведено самую обыкновенною прозою: «Желанье испить из великого Дона умом овладело».

5) Многие, чего нет в подлиннике, прибавлено: «Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу» переведено: «Бояна мысли текли в вышину, так, как соки по древу». К чему это? и могут ли соки течь по древу?

6) После сих примеров едва ли можно надеяться, чтобы г. переводчик удачно истолковал слова, действительно невразумительные. И в самом деле, чего не успели изъяснить удовлетворительно прежние Издатели, не объяснено и г[-ном] Вельтманом: догадки его неудачны. В подтверждение сего достаточно одного примера: «Дивъ (филин) кличетъ върху дерева» переведено «А чудо (?) с вершины древесной и вопит и манит»...

В заключение нельзя не заметить странной мысли г[-на] Вельтмана о языке певца Игореве: стараясь разрешить вопрос, предложенный Ученым обществом, «на каком языке писано „Слово о полку Игоревом“?» на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священных, или на каком-нибудь наречии областном?, г[-н] переводчик говорит (не опираясь ни на какое доказательство), что «оно писано на языке, собственно певцу Игоря принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта». Сию мысль следовало бы подтвердить доказательствами историческими, а не примером Ломоносова, который, напротив того, писал на одном наречии Русском,

очистив его глубоким познанием форм языка, и никогда не смешивал одного с другими Славянскими наречиями.

Вообще изданием своего перевода г[-н] Вельтман не оказал даже той услуги, которую принес на сем же поприще г-н Граматин.

Лектор С.-Петербургского университета
Н. Устрялов.

5 Апреля
1833.¹²

Значение приведенного выше труда академика Н. Г. Устрялова сводится главным образом к следующим моментам:

а) он отчетливо характеризует отношение официальной исторической науки в России к «Слову о полку Игореве» в годы выработки уваровской теории «официальной народности» (1832);

б) он ярко определяет те требования к различным типам переводов «Слова» на новый русский язык, какие выработала историческая наука в России в названную эпоху.

Как и академики А. В. Никитенко, М. П. Погодин и другие ученые того времени, Устрялов был выходцем из социальных низов. Постепенно превращаясь в приближенного к императорскому двору официального историографа, он в то же время испытывал влияние исторических идей Н. А. Полевого (с которым, однако, полемизировал) и вносил существенные поправки в «государственную» концепцию русской истории.

Взгляды предшествующей эпохи и взгляды реакционные соединялись у Н. Г. Устрялова со взглядами, имевшими несомненно прогрессивное значение в русской науке. Устрялов более других своих современников уделял внимания истории русской культуры и ее месту в общем курсе истории России.

К числу важнейших исторических источников Н. Г. Устрялов относил «памятники наук и изящной словесности», поскольку они, «нередко выражая характер времени живее самых подробных известий исторических, определяя степень образованности и вкус народа, принадлежат также к историческим материалам. Во всех письменных памятниках должно обращать внимание на язык: как орудие выражения мыслей, еще более как хранилище идей, он дает средства судить о родстве народных поколений, о степени влияния одного племени на другое, о направлении и успехах гражданственности».¹³

Внимание к культурной истории России позволило Устрялову назвать в курсе русской истории важнейшие произведения русской литературы и в том числе «Слово о полку Игореве».

Предпочтя не только перевод Н. Ф. Грамматина (1786—1827),¹⁴ но и принятое в нем толкование Дива как филина,¹⁵ Н. Г. Устрялов тем не менее

¹² ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 440, лл. 42—47 (автограф).

¹³ Н. Устрялов. Русская история, изд. пятое, испр. и доп., часть I, СПб., 1855, стр. 7.

¹⁴ Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою и с оной предложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального предложения, с историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословною. М., 1823.

¹⁵ Это толкование впервые появилось в переводе А. Ф. Малиновского (1800 г.). Под влиянием Н. Ф. Грамматина оно было использовано также во втором (1826 г.) издании перевода А. С. Шишкова. Во втором издании своей книги А. Ф. Вельтман поместил новый перевод, в котором «Див» оставлен без какого-либо толкования. Толкование этого слова в переводе 1833 г. находилось под влиянием перевода Я. О. Пожарского (1819 г.).

предъявил к переводу «Слова о полку Игореве» требования, значительно опережавшие современные ему. Основными из этих требований являются: 1) полное сохранение внутренней связи между идейным содержанием памятника и его речевой системой; 2) сохранение разнообразия и последовательной связи в формах выражения мыслей и чувств.

Эти требования Н. Г. Устрялова и послужили основанием для суровой оценки перевода А. Ф. Вельтмана, сыгравшего тем не менее свою положительную роль в истории русской культуры.
